

ГОДЪ Х. 1905. № 7. ІЮЛЬ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Журналъ для всѣхъ.

А. П. ЧЕХОВЪ.

Личныя впечатлѣнія.

На свѣтъ и тепло, которые даетъ солнце, не всѣ люди реагируютъ одинаково. Одинъ наслаждается, другой досадливо щурится, третій спускаетъ на окнѣ занавѣску. И если

каждый, по совѣсти, расскажетъ о своихъ ощущеніяхъ, то рассказы эти не будутъ похожи между собой.

Въ литературномъ мірѣ Антонъ Павловичъ Чеховъ былъ солнцемъ, которое вызвало

къ жизни, обогрѣло, приласкало и даже перестроило не одного писателя.

Въ юлѣ мѣсяцѣ 1904 года все вниманіе русскаго общества захватила война съ ея ужасами. Но даже и громада зла, волнами катившагося съ Дальняго Востока, не могла ослабить интереса публики къ добру, которое не умерло вмѣстѣ съ тѣломъ замѣчательнаго писателя и человека.

Послѣ смерти Чехова въ газетахъ было такъ: полъ-листа о его жизни и кончинѣ, а полъ-листа о войнѣ. Въ двѣ недѣли о немъ составила сѣбѣ лите-ратура и, тѣмъ не менѣе, сказано было мало. Люди, дѣйствительно его знавшие и любившіе, еще долго не были въ силахъ взяться за перо, чтобы спокойно говорить о несчастьи, которое случилось въ Баденвейлерѣ. Статьи же, появлявшіяся въ теченіе этихъ двухъ недѣль только потому, что ихъ слѣдовало написать, — цѣны не имѣли.

Невыразимо грустно дѣлается мнѣ при мысли, что удѣлъ всѣхъ дѣйствительно необыкновенныхъ людей — подвергаться полной и безпристрастной оцѣнкѣ только чрезъ много лѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Ялтѣ и въ Москвѣ живетъ не мало людей, которые видали Чехова и читали написанный имъ книги, но знать жизнь и душу писателя, чувствовать всю ширину его любвеобильнаго сердца будутъ только дѣти этихъ людей, а можетъ, и внуки.

Для современниковъ каждый дѣйствительно талантливый человекъ — или „знаменитость“, или господинъ, который одѣвается такъ-то и ухаживаетъ за такою-то.

Недалеко отъ мѣстъ, гдѣ я выросъ, жилъ замѣчательный художникъ Н. Н. Ге, который первый изобразилъ Христа такимъ, какимъ онъ себѣ его представлялъ, — нарисовалъ картину мирового значенія. Въ сосѣднемъ уѣздѣ, у насъ, тоже заговорили о немъ, хотя и много

позже, и я, тогда еще мальчикъ, узналъ, что Ге самъ кладетъ печи и поссорился съ господиномъ, который возилъ его картину въ Америку; а о Христѣ такъ ничего и не узналъ.

Антонъ Чеховъ нарисовалъ огромную картину жизни русскаго общества за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Особенность этой картины заключается въ томъ, что на ней и главные фигуры и детали выполнены одинаково художественно. Значеніе такой картины чрезвычайно важно, какъ для историковъ, такъ и для художниковъ. Вся колоссальная работа

была выполнена на самомъ новомомъ. Это новое состояло въ томъ, что авторъ никому не вбивалъ въ голову своихъ личныхъ симпатій и антипатій къ общественнымъ явленіямъ или отдѣльному типу, а давалъ читателю думать надъ ними самому.

Если писателя можно сравнить съ педагогомъ, въ высшемъ значеніи этого слова, то Чеховъ похожъ на профессора, который читаетъ лекціи, не стараясь заручиться популярностью у своихъ слушателей, но читаетъ ихъ такъ, что не заинтересоваться и не проникнуть въ его слова невозможно.

Вдумываясь въ самые разнообразные отзывы публики о произведенияхъ Чехова, я былъ глубоко убѣжденъ, что рано или поздно личностью и творчествомъ этого писателя заинтересуются даже узко-мыслящіе и тѣ, которые говорятъ: „Я беллетристики не читаю“; и многие изъ нихъ ужаснутся, потому что увидятъ, что они такіе, какъ увидѣли себя крѣпостники, современники Гоголя...

Съ пятнадцати лѣтъ я мечталъ познакомиться съ А. П., но увидѣть его и говорить съ нимъ мнѣ пришлось только въ сентябрѣ 1899 года.

Чеховъ уже переѣхалъ въ Ялту и жилъ на своей еще недостроенной дачѣ. Я только что поступилъ на службу въ одинъ изъ крым-

Въ 1901 году.

скихъ городовъ и бывалъ въ Ялтѣ довольно часто.

Все слышанное отъ Чехова я записывалъ въ тотъ же день въ дневникъ и такъ дѣлалъ послѣ каждой встрѣчи. Сейчасъ еще слишкомъ свѣжа могила дорогого писателя и живы окружавшіе его люди. Поэтому изложение всѣхъ мелочей его жизни я откладываю въ будущее и здѣсь ограничусь только передачей нѣкоторыхъ фактовъ и словъ.

Въ этомъ же 1899 году вышла первая книжка моихъ разсказовъ. Мѣстная газета ихъ безпощадно высмѣяла. Я рѣшилъ спросить мнѣня Чехова, написалъ ему письмо и послалъ мою книжку, а черезъ нѣсколько дней отправился къ нему самъ.

Я искалъ сухого приема и наставительнаго тона большого писателя, и потому волновался. Но услышалъ я отъ человѣка, который видѣлъ меня въ первый разъ, совсѣмъ другое.

— Послушайте, ну какъ же можно было такъ убиваться изъ-за того, что въ газетѣ кто-то тамъ написалъ эту статейку? Мало ли какой чепухи о насъ не пишутъ...

Слова „о насъ“ прозвучали въ моихъ ухахъ особенно сладко, и я понялъ, что со стороны Чехова они прежде всего актъ его доброты.

— Нѣтъ, это пустяки, продолжалъ А. П., — и обращать на нихъ вниманія не стоитъ. Худо, если о книгѣ совсѣмъ не пишутъ. А вы развѣ не на желѣзной дорогѣ служите? вдругъ спросилъ онъ.

Вопросъ этотъ былъ заданъ потому, что большинство моихъ разсказовъ касалось жизни желѣзнодорожныхъ машинистовъ.

— Теперь нѣтъ, отвѣтилъ я и объяснилъ, гдѣ служу.

— Гм... Ваши разсказы, какъ разсказы... Послушайте, вы сдѣлали громадную ошибку, что издались въ провинціи. Этакъ нельзя. Останетесь не замѣненнымъ. Издавать нужно непременно въ столицѣ. И для рецензій нельзя посылать такъ зря. Вѣдь вы знаете, какъ въ редакціяхъ? Придетъ какая-нибудь барышня, завѣдующая объявленіями, увидитъ, что получена новая книжка, и возьметъ ее почитать... Вотъ вамъ и рецензія! Вы пошлите въ „Жизнь“ (*), къ Поссе. А зимой обожидите посылать до тѣхъ поръ, пока я не буду въ Москвѣ... Вы уроженецъ какой губерніи?

— Я родился въ Полтавѣ.

— Это слышно. Я тоже южанинъ. Только я выросъ возлѣ моря, хотъ и возлѣ паршиваго, но моря...

Боясь помѣшать Чехову, я спросилъ:

— Можеть быть, вы, Антонъ Павловичъ, собираетесь въ городъ?

— Да, да. Сейчасъ пойду. У насъ сегодня обѣдъ, на которомъ будетъ Максимовъ. Выйдемъ вмѣстѣ...

Чеховъ сталъ собираться, а я ходилъ по комнатѣ и глядѣлъ на него. Уже и тогда приходилось читать въ газетахъ, что онъ боленъ; но замѣтно этого не было. Его слегка загорѣлое лицо не казалось изможденнымъ, а движенія были сильны и увѣрены. Внимательные глаза не смотрѣли грустно. Слушая его голоса, можно было заключить, что онъ обладаетъ великодушнымъ пѣвучимъ басомъ. За все это время Чеховъ кашлянулъ всего одинъ разъ, — какъ будто у него запершило въ горлѣ. Сравнительно со всей его стройной фигурой, только ноги были нѣсколько худы и колѣняхъ.

Антонъ Павловичъ надѣлъ лѣтнее пальто, мягкую шляпу, взялъ въ руки зонтикъ, и пошелъ мнѣ такимъ изящнымъ. Мы вышли и стали спускаться вдоль грязныхъ татарскихъ домиковъ. По небу ходили тучи, а далекое море казалось сѣрымъ. Темными пятнами выступили на немъ броненосцы пришедшей въ этотъ день въ Ялту эскадры. Хорошо дышалось влажнымъ, чуть пропитаннымъ хвоей кипарисовъ, воздухомъ. Внизу раскинулся городъ.

Я сказалъ, что вся Ялта мнѣ представляется великодушнымъ, но сильно подгнившимъ цвѣткомъ магноліи и что, вѣроятно, люди здѣсь живутъ только богатые и счастливые, но безсердечные и развратные. Чеховъ поднялъ голову и, посмотрѣвъ на меня, вдругъ быстро и отрывисто заговорилъ:

— Что вы, что вы?.. Какъ можно... Здѣсь очень много несчастныхъ, много больныхъ... Большинство здѣсь живетъ очень тяжело.

— Но вы все-таки одинъ изъ счастливейшихъ.

— Почему вы такъ думаете?

— У васъ есть средства, есть имя...

— Какія же у меня средства? Кромѣ бездоходной дачи, — ничего. И гдѣ же мое счастье? Я не могу даже жить тамъ, гдѣ хочу, и только благодаря своему здоровью долженъ сидѣть въ Ялтѣ. Вы Ялты не знаете...

— Да, не знаю, согласился я.

— Вотъ то-то же и есть.

Я замолчалъ и подумалъ, что Чеховъ все понимаетъ, а я отъ радости, что вижу его, говорю, не взиравъ предварительно своихъ словъ.

Во второй разъ я былъ у Чехова въ ноябрѣ. А. П. былъ очень озабоченъ устройствомъ въ Ялтѣ санаторіи для легочныхъ больныхъ и готовилъ цѣлый рядъ писемъ къ разнымъ людямъ по этому поводу.

Запечатавъ одинъ изъ конвертовъ, Чеховъ спросилъ о томъ, что я теперь пишу, и внимательно выслушавъ, заговорилъ:

— Такъ. Только вотъ что... Избѣгайте въ всякихъ терминовъ, особенно скоропроходящихъ. Нѣкоторые слова черезъ пять-шесть лѣтъ совсѣмъ уничтожаются и потомъ звучать въ разсказѣ или въ пьесѣ ужасно дико. Вы знаете, не такъ давно, въ Воронежѣ, я смотрѣлъ свой водевилъ „Медвѣдь“ и отъ слова „турнюръ“ пришелъ въ ужасъ. Теперь это слово уже не существуетъ, и въ новомъ изданіи я его вычеркнулъ.

Мы помолчали. Затѣмъ я разсказалъ Антону Павловичу о сильномъ впечатлѣніи, которое произвела на меня только что вышедшая книга Мельшина „Въ мірѣ отверженныхъ“. Мнѣ казалось, что все произведение выиграло бы отъ большаго безпристрастія автора въ изображеніи всякаго рода тюремщиковъ, потому что поступки говорятъ сами за себя сильнѣе, чѣмъ комментаріи къ нимъ.

— Что же дѣлать? Вѣдь нельзя, къ самому дѣлѣ, требовать отъ человѣка, который пробылъ столько лѣтъ въ каторгѣ, хладнокровной оцѣнки своихъ мучителей...

— Да, это трудно...

Въ тотъ же день вечеромъ я зашелъ къ Чехову попрощаться. Антонъ Павловичъ ходилъ по кабинету взадъ и впередъ и, увидѣвъ меня, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Знаете, скверная новость...

— А что такое?

— Последнія извѣстія, что Толстому хуже. Умирать, должно быть. Вѣдь этакій онъ колось въ искусствѣ! Знаете, есть люди, кото-

рые боялись дѣлать гадости только потому, что живъ еще Толстой. Да, да, да...

Потомъ Чеховъ снова сталъ жаловаться на гнетущую тоску, которую на него нагоняетъ Ялта. Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Вамъ нравятся рассказы Горькаго?

— Да. Особенно „Старуха Изергиль“.

— Онъ яе только писатель, а еще и поэтъ. Большой поэтъ... и какой хорошій человѣкъ; а между тѣмъ многіе этого не понимаютъ... добавилъ Антонъ Павловичъ и прошелся взадъ и впередъ.

Я облокотился на его письменный столъ, на которомъ лежала какая-то рукопись.

— Меня интересуетъ, много ли вы перечеркиваете, когда пишете. Можно посмотреть? спросилъ я.

— Можно.

Я подошелъ къ столу съ другого конца. Обыкновенный листъ писчей бумаги былъ унизанъ ровными, мелкими, широко стоящими одна отъ другой строчками. Словъ десять было зачеркнуто очень твердыми, правильными линиями, такъ что подъ ними уже ничего нельзя было прочесть. Мнѣ бросилась въ глаза фраза: „Хересь былъ кисловатый, пахло отъ него сургучемъ, но выпили еще по рюмкѣ“...

Чеховъ сказалъ, что готовитъ этотъ рассказъ для журнала „Жизнь“, а потомъ улыбнулся и добавилъ:

— А рассказъ-то совсѣмъ не въ духѣ марксистовъ. Пожалуй, и не напечатаютъ.

— Ну, ваше-то все напечатаютъ...

Не помню по какому поводу, мы заговорили о процессѣ Дрейфуса. Чеховъ надолго задумался и, наконецъ, проговорилъ глухимъ баскомъ:

— Знаете, вотъ у Гоголя кто-то выражается:

„Это все французъ гадить“. Такъ вотъ и евреи гадятъ въ дѣлѣ Дрейфуса. Евреи здѣсь не причемъ. Если бы дѣло это было не правое, то такой человѣкъ, какъ Зола, не вступился бы. Я какъ разъ въ это время былъ во Франціи, — тамъ вся интеллигенція была на его сторонѣ.

Въ Ялтѣ, у себя на дачѣ.

Мнѣ хотѣлось еще и еще сидѣть у Чехова и слушать его полныя безпристрастія и правды слова. Но я зналъ, что ему вредно много говорить и что онъ ложится рано спать, а потому пожелалъ всего хорошаго.

Чеховъ всегда настаивалъ на необходимости для молодого писателя работать какъ можно больше и однажды сказалъ мнѣ:

— Печатать можно и немного, но писать

слѣдуетъ какъ можно больше. Къ тридцати годамъ обязательно нужно опредѣлиться: всѣ опредѣлялись къ тому времени. Исключение составляетъ Сервантесъ... Да и невозможно было ему раньше писать, а потомъ тоже очень трудно,—въ тюрьмѣ бумаги не давали. Знаете, какъ нужно писать, чтобы вышла хорошая повѣсть? Въ ней не должно быть ничего лишняго. Вотъ какъ на военномъ кораблѣ на палубѣ: тамъ вѣтъ ничего лишняго,—такъ слѣдуетъ дѣлать и въ разсказѣ...

Въ апрѣлѣ 1900 года въ нашъ городъ пріѣхалъ Московскій художественный театръ. Для глубокой провинціи это было огромнымъ событіемъ. Я отправился къ зданію театра съ цѣлью во что бы то ни стало достать для себя и для жены билеты хоть на „Чайку“, которая была анонсирована на 13 число. Съ трудомъ, но мѣста были куплены, и я довольный вышелъ изъ кассы. Смотрю, на лавочкѣ, у самаго входа въ театръ, сидитъ Антонъ Павловичъ. Мы поздоровались. Чеховъ спросилъ, отчего я такъ плохо выгляжу. Я отвѣтилъ, что усталъ и что у меня было сильное разлитіе желчи.

— Вы на „Дядѣ Ванѣ“ были? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Нельзя было достать билета, но на „Чайку“ идемъ.

— Что „Чайка“! Нужно непременно, чтобы вы пошли на „Одинокихъ“ Гауптмана,—вотъ это пьеса! Какъ бы это сдѣлать?.. Вы Немировича не видали?

— Нѣтъ.

— Ну, пойдемъ, поищемъ его.

— Вонъ, въ цилиндрѣ ходитъ. Это онъ? спросилъ я.

— Онъ самый.

Чеховъ насъ познакомилъ и сейчасъ же обратился къ Немировичу:

— Вотъ что: есть у тебя два билета на „Одинокихъ“?

— Для тебя лично? недовѣрчиво переспросилъ Немировичъ.

— Для меня лично.

— Посмотрю.

Немировичъ ушелъ и скоро вернулся съ билетами.

— Ну, вотъ вамъ—, непременно пойдите! сказалъ Антонъ Павловичъ, передавая мнѣ билеты.

Я не зналъ, какъ и благодарить его. Денегъ у меня уже не было и купить ихъ самъ я не могъ бы. Мы прошли по аллеѣ, возлѣ гостиницы Киста. Я спросилъ Чехова, что онъ думаетъ объ одномъ изъ моихъ разсказовъ. Онъ похвалилъ.

— Чудесный разсказъ, отличный разсказъ...

Каждый пишущій знаетъ, какъ болѣзненно относится авторъ къ мнѣніямъ дорогихъ людей. Въ голосѣ Антона Павловича мнѣ слышалось желаніе не по заслугамъ приласкать меня своимъ отзывомъ. Я помолчалъ и сказалъ:

— Знаете, въ нашемъ „Островѣ Сахалинѣ“ описанъ одинъ ссыльно-каторжный, бывший персидскій принцъ, который клеитъ „неуклюжіе“ конверты. Дальше вы пишете, что поглядѣли на его работу и сказали: „Очень хорошо“, чѣмъ доставили ему большое удовольствіе. Вотъ такъ и со мной...

Чеховъ нахмурился.

— Видите ли, то былъ ссыльно-каторжный и нуждался въ ласковомъ словѣ, а вы вѣдь свободный человѣкъ...

Антонъ Павловичъ сейчасъ же улыбнулся. Улыбнулся и я отъ сознанія, сколько чуткости и доброты живетъ въ этомъ человѣкѣ.

Вечеромъ мы съ женой были на „Одинокихъ“. Впечатленіе получилось огромное, по-

трясающее. Въ антрактахъ я былъ или воалѣ Чехова за кулисами, или прислушивался въ вестибюлѣ къ тому, что говорила публика. Два чиновника хвалили постановку и негодовали по поводу репертуара: „Дядя Ваня“, „Одинокіе“, „Эдда Габлеръ“ и „Чайка“...

— Что это я васъ спрашиваю? Чѣмъ это они насъ угощаютъ? Чорта ли мнѣ въ этой самой декаденщинѣ? кричалъ одинъ.

— Я тоже ничего не понимаю. Какая-то чепуха... лѣннымъ, никакимъ теноромъ отвѣтилъ другой.

Я не выдержалъ и вступилъ съ ними въ легкій споръ, говоря, что во всѣхъ этихъ пьесахъ отразились болѣе тонкія чувства новыхъ людей. Увидѣвъ потомъ Чехова, я попросилъ его объяснить, почему сравнительно образованные господа не реагируютъ на содержаніе такихъ дѣйствительно художественныхъ произведеній.

— Потому что они еще живутъ въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія... отвѣтилъ Антонъ Павловичъ и потомъ, съ укоромъ и даже немного строго, добавилъ:—А вы зачѣмъ съ ними объ этихъ вещахъ разговариваете?..

Въ іюнѣ я провелъ въ Ялтѣ нѣсколько чудныхъ дней. Трудно ихъ забыть. Какъ-то вечеромъ я сидѣлъ въ столовой Чеховыхъ. Чувствовалось искренно, просто и хорошо. Заговорили объ „Эддѣ Габлеръ“. Я сказалъ, что понимаю всякую месть со стороны женщины, оскорбленной въ своихъ чувствахъ,—можно убить, можно облить сѣрной кислотой; но сжечь неизданную рукопись, надѣвъ которой столько работалъ любимый человѣкъ,—какъ сдѣлала героиня пьесы,—это ужъ не совсѣмъ естественная подлость.

— А имѣть рукопись большого, серьезнаго сочиненія только въ одномъ экземплярѣ развѣ естественно? спросилъ Антонъ Павловичъ.

— Да, конечно. Очевидно, Ибсенъ не принималъ во вниманіе, что такіа рукописи рѣдко бываютъ въ одномъ экземплярѣ...

Затѣмъ разговоръ сталъ общимъ. Говорила объ отдѣльныхъ актерахъ художественнаго театра и объ ихъ талантахъ. Послѣ чая Чеховъ ушелъ вмѣстѣ со мною въ кабинетъ. Въ этотъ день онъ много говорилъ и казался бодрѣмъ. Я ловилъ, а потомъ, вечеромъ, записалъ каждое его слово.

— Теперь къ писателю предъявляются огромныя требованія и выбраться изъ рядовыхъ очень трудно. Мопсанъ взялъ мировую славу и извѣстность въ области короткаго разсказа. Публикѣ все остальное кажется уже повтореніемъ и слабымъ повтореніемъ...

Вспомнили о Гаршинѣ.

— Гаршинъ,—что же Гаршинъ? сказалъ Антонъ Павловичъ.—Большимъ талантомъ его назвать нельзя. „Четыре дня“ и „Записки рядового Иванова“—это вещи хорошія, а все остальное наивно.

— А „Художники“? спросилъ я.

— По-моему очень наивная вещь... Гаршинъ былъ чудесный человѣкъ и писалъ въ очень выгодное для беллетриста время,—послѣ войны. Книги всегда имѣютъ огромный сбытъ и читаются особенно охотно послѣ окончанія большихъ народныхъ бѣдствій.

Не помню, по какому поводу, разговоръ перешелъ на тему о бракѣ.

— Счастливы или несчастливы данные мужъ и жена—этого сказать никто не можетъ. Это тайна, которую знаютъ трое: Богъ, онъ и она... произнесъ прищурившись Чеховъ.

Позднѣе мы вдвоемъ отправились въ городъ. По дорогѣ я сознался, какъ гнететъ

мнѣ невозможность издаться такъ и тамъ, гдѣ хотѣлось бы.

— Обождите, обождите! Нужно прежде всего, чтобы васъ узнали всѣ свои, пишущіе. Года три обождите...

Въ слѣдующій разъ я совершенно случайно встрѣтился съ Чеховымъ на пароходѣ, идемъ въ Ялту. Послѣ третьяго гудка, когда отдали концы, мы вышли наверхъ. Здѣсь у пароходнаго книгопродавца была выставлена масса открытыхъ писемъ, были и съ портретами писателей.

— Есть у васъ портретъ Чехова? спросилъ я.

Антонъ Павловичъ зацѣпалъ на меня, чтобы я громко не произносилъ его имени. Я кивнулъ головою въ знакъ того, что отлично это понимаю, и опять подошелъ къ книгопродавцу. Тотъ усиденно перебиралъ карточки и потомъ сказалъ:

— Нѣтъ, — Чехова нѣтъ. Теперь самый большой спросъ на Чехова и на Сенкевича, и потому всѣ открытки съ ними проданы.

Антонъ Павловичъ косился на открытки порнографическаго содержанія и, когда мы отошли, сказалъ:

— Вы знаете, даже во Франціи продажа этихъ вещей карается уголовнымъ закономъ. Эта мерзость окончательно портитъ вкусъ у молодежи.

Мы подошли къ борту. Чеховъ сталъ разспрашивать меня, какъ я распредѣляю свой день и пью ли водку.

— Берегите, берегите здоровье и не пейте каждый день водки. Ничто не тормозитъ такъ работы писателя, какъ водка; а вы только начинаете...

— Да я и не пью водки. Меня заѣдает другое—это вѣчный самоанализъ. Благодаря ему бывали отравлены лучшіе моменты...

— Отучайтесь отъ этого, отучайтесь. Это ужасная вещь.

На берегу мы прѣстались.

Дня черезъ два я поѣхалъ къ Чехову. Онъ сидѣлъ въ нишѣ, на своемъ любимомъ диванѣ, и показался мнѣ совсѣмъ другимъ человекомъ, чѣмъ на пароходѣ: желтый, серьезный, какъ будто сильно тоскующій. Онъ разсказалъ мнѣ подробности о смерти скончавшагося 14 августа въ Ялтѣ писателя Р. Г. Мачтета, а потомъ сталъ меня разспрашивать о дуэли между лейтенантомъ Р. и мячманомъ И., котораго зналъ еще мальчикомъ. Эта тяжелая драма не только интересовала его, но и мучила.

Видя, что Антонъ Павловичъ нервничаетъ, и боясь утомить его, я посидѣлъ у него всего минутъ двадцать.

3-го сентября 1901 года, по просьбѣ Чехова, я былъ у него очень рано, — въ 7 часовъ утра. Я прошелъ прямо въ столовую и увидѣлъ здѣсь Антона Павловича и Евгенію Яковлевну, его мать. И по тону голоса и по движеніямъ Чехова было видно, что онъ чувствуетъ себя лучше. Онъ много шутилъ и разсказывалъ о ялтинскихъ нравахъ. Перешли къ литературнымъ темамъ. Чеховъ заговорилъ о Тургеневѣ и Достоевскомъ. Было слышно, что сочиненія Достоевскаго производятъ на него тяжелое впечатлѣніе; имя же Тургенева и заглавія его произведеній онъ произносилъ другимъ голосомъ и съ задумчивымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Однажды Достоевскій сдѣлалъ гадость, почти преступленіе, и сейчасъ же пошелъ къ Тургеневу и подробно разсказалъ ему объ этой гадости, съ единственною цѣлью причинить боль. Ну зачѣмъ такія выходки? съ грустью проговорилъ Антонъ Павловичъ.

— Мнѣ кажется, Достоевскій былъ нервно-больной человѣкъ, а иногда просто психически ненормальный. Вѣдь сколько онъ пережилъ... сказалъ я.

— Да, его жизнь была ужасна... Талантъ онъ несомнѣнно очень большой, но иногда у него доставало чутъя. Ахъ, какъ онъ испортилъ «Карамазовыхъ» этими рѣчами прокурора и защитника, — это совсѣмъ, совсѣмъ лишнее.

— Скажите, спросилъ я, — имѣетъ ли какое-нибудь отношеніе личная нравственность или безнравственность автора къ его таланту?

— Да, имѣетъ. Вотъ точно такое же, какъ большой или небольшой ностъ у этого автора.

Насколько я успѣлъ замѣтить, у Чехова не было «боговъ» въ литературномъ мірѣ. Анализируя всякую человѣческую личность, онъ всегда дѣлалъ спокойный, замѣчательно правдивый выводъ. Вотъ это, дескать, его хорошія черты, а вотъ это — дурныя.

Прожилъ онъ сорокъ пять лѣтъ и сказалъ въ это время и устно и письменно очень много, но все это была только одна кристаллизованная, сверкающая правда.

Я увѣренъ, что если бы, напримѣръ, и Л. Н. Толстой сдѣлалъ худой поступокъ, то Чеховъ бы сказалъ: «Да, это дурно». И если бы послѣдній негодай сдѣлалъ хорошее, то Чеховъ сказалъ бы: «Да, онъ поступилъ хорошо». Мнѣ кажется, что въ своихъ недоброжелательствахъ Антонъ Павловичъ долженъ былъ возбуждать чувство, подобное тому, которое заставило грековъ изгнать Аристидѣ.

15-го сентября 1901 года я видѣлъ Чехова въ Севастополѣ. Онъ ѣхалъ въ Москву и остановился у своего знакомаго, г. Ш. Какъ и всегда, передъ поѣздкой въ Москву онъ былъ очень веселъ. Говорили о новой газетѣ. Антонъ Павловичъ, между прочимъ, сказалъ:

— Издавать хорошую газету въ провинціи можетъ только тотъ, у кого есть столько денегъ, сколько требуется, чтобы поставить передъ своимъ домомъ электрической дуговой фонарь... Иначе говоря, есть пятьдесятъ тысячъ годового дохода, можно издавать газету, а нѣтъ — и говорить не о чемъ, — это будетъ уже не газета, а вырѣзки...

Когда заговорили о талантѣ Мопасана, Чеховъ сказалъ:

— Таланту подражать нельзя, потому что каждый настоящій талантъ есть нѣчто совершенно своеобразное. Золота искусственнымъ путемъ не сдѣлаешь. Поэтому никто и никогда не могъ подражать Мопасану. Какъ бы объ этомъ ни говорили, будетъ то, да не то...

— Какъ же все-таки формулировать талантъ? спросилъ я.

— А никакъ. Талантъ есть талантъ и больше ничего.

Вечеромъ на вокзалѣ Антонъ Павловичъ продолжалъ быть такимъ же жизнерадостнымъ. Провожали государственнаго контролера. Было много полиціи и чиновниковъ въ парадной формѣ. Чеховъ и г. Ш. пріютились на платформѣ, возлѣ одного изъ столиковъ. Пассажировъ скопилось тоже такъ много, что въ этотъ разъ на сѣверъ отправляли два курьерскихъ поѣзда подрядъ.

Для Чехова были приготовлены билеты и плакаты на первый поѣздъ.

Наконецъ, подали составъ Николаевской желѣзной дороги. Послѣ перваго звонка Чеховъ, г. Ш. и я вошли въ вагонъ, прямо въ купе съ нумерованными мѣстами. Но къ нашему удивленію, эти мѣста были уже заняты двумя молодыми людьми.

Антонъ Павловичъ спокойно подѣлъ въ жилетный карманъ, вынулъ билеты, осмотрѣлъ

ихъ при свѣтѣ фонаря и сказалъ, что это купе куплено имъ.

— Да, но вы ѣдете одинъ и вамъ все равно, а мы вдвоемъ и поэтому хотѣли бы помѣститься вмѣстѣ, а въ соседнемъ купе тоже есть пассажиры.

Чеховъ еще разъ посмотрѣлъ на свои билеты и безпомощно оглянулся, ничего не возражая. Г. Ш. отвелъ въ сторону развязнаго молодого человѣка и что-то прошепталъ ему на ухо. Претенденты на чеховское купе сейчасъ же скрылись.

— Вѣдь это же нахальство... сказалъ я по ихъ адресу.

— Нѣтъ, не нахальство, а молодость, отвѣчалъ Антонъ Павловичъ. — Когда я былъ гимназистомъ старшихъ классовъ, то однажды сидѣлъ въ театрѣ въ первомъ ряду. Въ антрактахъ товарищи кричали мнѣ съ верховъ: "Антонъ, Антонъ!". и я былъ ужасно доволенъ. Возможно, что и этимъ друзьямъ представляется весьма заманчивымъ ѣхать только вдвоемъ, въ отдѣльномъ купе перваго класса, — ну, они и разсудили по-своему...

Мы снова вышли на платформу.

— Какъ я завидую тому, что вы ѣдете въ Москву! вырвалось у меня.

— Да, вамъ непременно нужно побывать въ Москвѣ, и не только побывать, а пожить, сказалъ Чеховъ.

— Марія Павловна, когда ѣздила, то шутила, что Москва вѣроятно представляется мнѣ такъ же, какъ и Ферранту въ "Трехъ сестрахъ". Помните: "Подрядчикъ сказывалъ, будто поперекъ всей Москвы канать протянуть"... Чеховъ засмѣялся.

— Да, да. Вамъ непременно нужно пожить тамъ.

Рѣзко ударилъ второй звонокъ. Чеховъ сталъ на площадку вагона. Наконецъ, третій. Поездъ поплылъ. Антонъ Павловичъ ласково и счастливо шурился и улыбался.

Какъ-то въ ноябрѣ 1901 года Чеховъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. Говорилось хорошо, мѣшало только постоянно звонившій телефонъ. Я вспоминалъ темы его прошлыхъ разсказовъ, иногда цитируя ихъ, и между прочимъ спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, когда вамъ приходится описывать чьи-либо сновидѣнія, чѣмъ вы руководствуетесь, своими ли собственными снами, или вѣроятностью того, что такому-то субъекту можетъ присниться такой именно сонъ.

— Никогда и не въ одномъ разсказѣ я не описывалъ сновъ...

— Позвольте. А въ "Учителѣ словесности", а въ "Попрыгунѣ", а въ "Гусѣхъ"?...

— Да, да, да. Я ужъ и забылъ. Вы знаете, что я, напримѣръ, не помню содержанія своего разсказа "Огни". *)

— Какъ вы думаете, любой авторъ-беллетристъ въ своихъ сужденіяхъ о беллетристикѣ же—публика или компетентное лицо?

— Когда онъ говоритъ о своихъ вѣщахъ, то не публика, а когда о чужихъ, то публика...

— Васъ, какъ беллетриста, легко изучить, но какъ человѣка трудно. Иногда мнѣ кажется, что вы суровый...

— Нѣтъ, я не суровый...

— Такъ, значитъ, вы очень, очень добрый, но боитесь эту доброту показать и маскируете ее суровостью.

Чеховъ засмѣялся. Я сталъ прощаться.

— Ну, до свиданія! Вотъ что, если вы завтра не уѣдете, то приходите къ тремъ часамъ.

— А что будетъ въ три часа?

— Ничего не будетъ, такъ приходите.

На слѣдующій день, не помню по какому поводу, мы заговорили о современныхъ жендицахъ-писательницахъ.

— Нѣтъ ужъ, сказалъ Чеховъ, — лучше я прочту что-нибудь изъ физики или по электротехникѣ, чѣмъ женское писаніе. Вотъ госпожи такая-то и такая-то, пишуть, пишуть. а когда умрутъ, ничего отъ нихъ не останется...

За все мое знакомство я только разъ слышалъ, какъ онъ хорошо отозвался о разсказѣ "Сережка", напечатанномъ въ декабрьской книжкѣ "Журнала для всѣхъ" за этотъ годъ, хотя авторомъ его была женщина.

— Вы знаете, сказалъ потомъ Антонъ Павловичъ, — какъ женщины относились къ Лермонтову, пока онъ былъ живъ? Считали его шлопаемъ и хлыстомъ...

— Изъ нихъ, кажется, только одна Варичка Лопухина понимала, съ кѣмъ имѣла дѣло, добавилъ я.

Мы помолчали. Потомъ у меня вырвался вопросъ:

— Скажите, отчего васъ считаютъ олимпійцемъ или пелопидомъ, между тѣмъ какъ съ вами такъ легко и такъ просто говоритесь?

— Олимпійцемъ я никогда не былъ. А пелопидомъ меня считаютъ потому, что я нигде не показывался. Показываться же мнѣ мѣшаетъ болѣзнь...

Прошелъ почти годъ. Я опять сидѣлъ въ знакомомъ кабинетѣ. За это время Антонъ Павловичъ очень похудѣлъ, но духъ писателя былъ бодръ. Онъ только что получилъ извѣстіе о томъ, что завтра прѣзжаетъ В. Г. Короленко. Предстоящая встрѣча его радовала и волновала. Самъ онъ черезъ два дня долженъ былъ ѣхать въ любимую Москву. Въ этотъ день Чеховъ былъ вообще оживленнѣе обыкновеннаго. Его лицо приняло мрачнѣйшій оттѣнокъ только, когда онъ заговорилъ о прѣздѣ одного фельетониста, съ напомнимъ относительно сотрудничества въ газетѣ.

— Я чувствовалъ себя ужасно плохо въ этотъ день... разсказывалъ А. П. — У меня силъ мало, и желудокъ совсѣмъ не варитъ. Настоячивость этого господина меня измучила и разсердила. Я принялъ его чрезвычайно сухо... Въ послѣдней фразѣ прозвучало будто сожалѣніе. Чеховъ органически не любилъ доставлять кому бы то ни было неприятныя минуты.

— Но ваше сотрудничество было бы для газеты просто кладомъ. Кромѣ того, нельзя сердиться на человѣка за то, что онъ плохой психологъ...

— Дѣло не въ психологін. Тамъ вѣдь не мальчики спать и знаютъ, что по заказу и писать не могу. Ну, да теперь уже съ ними кончено...

Въ немъ былъ оскорбленъ прежде всего художникъ, отъ котораго требовали произведенія не съ цѣлію прочесть и подуматъ надъ нимъ, а съ единственною цѣлью увеличить тиражъ газеты. Въ этотъ тяжкій мѣсяцъ нервы Чехова и безъ того были оочень сильно надруганы. Быстро дѣлала свое дѣло и чашотка.

Въ январѣ 1903 года, Чеховъ сидѣлъ на диванѣ, перебирая и сортируя письма за минувшій годъ.

— Идетъ дождь? спросилъ онъ, здороваясь со мною.

*) Разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ "Юльскаго вѣстника" за 1888 годъ и не вошелъ въ полное собраніе сочиненій Чехова издавалъ А. Маркса.

— Нѣтъ, теперь пересталъ.

Антонъ Павловичъ подошелъ къ окну, постоялъ и оглянувшись произнесъ:

— Вотъ въ такую бы погоду застрѣляться...

Я постарался перевести разговоръ на другое и рассказалъ ему новый малороссійскій анекдотъ, послѣ котораго онъ долго хохоталъ. Мнѣ было пріятно, что я развеселилъ Антона Павловича, и въ то же время страшно тѣхъ хриповъ, которые слышались иногда въ его смѣхѣ.

Онъ снова сѣлъ на диванъ и, все еще улыбаясь, продолжалъ перекладывать письма. Я замѣтилъ на столѣ небольшую брошюрку со стихами.

— Развѣ вы любите стихи? спросилъ я.

— Не часто и нѣкоторые—да; вотъ, напримеръ. Онъ перевернулъ нѣсколько страницъ въ этой книжкѣ и указалъ рукою на слѣдующія строки:

Шарманка за окномъ на улицѣ поетъ...

Мое окно открыто. Вечерѣетъ.

Туманъ съ полей мнѣ въ комнату плыветъ,
Весны дыханье ласковое вѣетъ.

Не знаю почему, дрожитъ моя рука,
Не знаю почему, въ слезахъ моя щека.
Вотъ голову склонилъ я на руки. Глубоко
Взгрустнулось о тебѣ. А ты... ты такъ далеко *).

— Часто къ вамъ авторы присылаютъ свои книги?

— Часто. Почти каждый день что-нибудь получаешь. Я не люблю лишннихъ книгъ и сейчасъ же отправляю ихъ къ Таганрогу.

Я заговорилъ о томъ, какъ нравятся мнѣ его литературная техника.

— Вы появяютъ, что простота и объективизмъ усиливаютъ впечатлѣніе гораздо больше, чѣмъ восторги и проклятія. Въ этомъ важна сила. Особенно хороши сравненія, по Тригоринской системѣ, только иногда они повторяются, и еще нѣкоторыя ваши любимыя слова.

— Напримѣръ? спросилъ Антонъ Павловичъ.

— Да, напримѣръ, сплзуть дерева или камня въ часто сравниваете съ темной фигурой монаха.

— Гдѣ?

— Да вотъ въ „Степи“ и въ „Черномъ монахѣ“ и еще въ одномъ разсказѣ есть... А изъ московскихъ гостиницъ вы очень любите „Славянской Базаръ“.

— Какъ такъ? Гдѣ?

— Въ „Чайкѣ“, въ „Дамѣ съ собачкой“, въ повѣсти „Три года“...

— Это отъ того, что я москвичъ. Въ „Славянскомъ Базарѣ“ можно было когда-то вкусно позавтракать...

Я спросилъ Чехова, изъ дѣйствительной ли жизни его разсказъ „Перекаты поле“. Начинается онъ такъ: „Я возвращался со всею ночью“...

— Да, изъ дѣйствительной... отвѣтилъ Антонъ Павловичъ и добавилъ:—Вотъ этотъ мой сожителъ по монастырской гостиницѣ оказался потомъ сыщикомъ.

— Какъ это непріятно было, вѣроятно, потому что памъ узнать, вѣдь вы такъ его облакали...

— Да, но что же дѣлать...

Былъ уже девятый часъ и я сталъ прощаться.

— Если не уѣдете, то приходите завтра въ три часа.

— Хорошо.

Надѣвъ въ передней пальто, я все еще не могъ отдѣлаться отъ мысли о сыщикѣ и спросилъ:

— Зачѣмъ же этотъ сыщикъ былъ представленъ къ вамъ? Чтобы вывѣдать вашъ образъ мыслей?

— А Богъ ихъ знаетъ... Это что... Вотъ въ Ниццѣ возлѣ меня все ходилъ господинъ и потомъ познакомился, элегантнй такой, и тоже оказалось...

Антонъ Павловичъ горько усмѣхнулся.

Въ сентябрѣ 1903 года, на возвращеніи пути изъ Москвы, я заѣхалъ въ Ясную Поляну. Меня очень интересовало, какъ относится Л. Н. Толстой къ творчеству Чехова. Л. Н. съ тревогой въ голосѣ разспрашивалъ о его здоровьи, а потомъ сказалъ:

— Чеховъ... Чеховъ—это Пушкинъ въ прозѣ. Вотъ какъ въ стихахъ Пушкина каждый можетъ найти откликъ на свое личное переживаніе, такой же откликъ каждый можетъ найти и въ повѣстяхъ Чехова. Нѣкоторыя вещи положительно замѣчательны... Вы знаете, я выбралъ всѣ его наиболѣе понравившіеся мнѣ разсказы и переплелъ ихъ въ одну книгу, которую читаю всегда съ огромнымъ удовольствіемъ...

22 ноября 1903 года я глядѣлъ на Антона Павловича, слушалъ его голосъ, и мнѣ не приходило въ голову, что я вижу этого необыкновеннаго, всепонимающаго человѣка въ послѣдній разъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось остаться съ нимъ одинъ-на-одинъ. У него сидѣли начальникъ гимназіи и молоденькая барышня, жадно ловившая каждое его слово. Чеховъ былъ веселѣе, чѣмъ вчера, часто шутилъ и вспоминалъ свою прошлую жизнь.

Заговорили о писателяхъ конца девятнадцатаго вѣка. О враждѣ Достоевскаго съ Тургеневымъ и Тургенева съ Некрасовымъ. О томъ, какъ Тургеневъ помирился съ Некрасовымъ только передъ смертью, а Достоевскій не могъ слышать имени Тургенева,—человѣка въ сущности безконечно добраго—и жестоко высмѣялъ его въ романѣ „Бѣсы“, хотя въ этомъ не было никакой надобности.

— Ну, и отношенія же тогда были между писателями! сказала начальница.

— Да... протянулъ Чеховъ.—Теперь они живутъ лучше...

— Всѣ они люди болѣзненнаго самолюбія и каждый изъ нихъ думаетъ, что его „вѣра“ самая правая. Этимъ только и можно объяснить вражду такихъ хорошихъ и талантливыхъ людей, какъ Некрасовъ, Тургеневъ и Достоевскій, сказалъ я.

— У актеровъ не лучше, добавилъ Чеховъ.

— Скажите, пожалуйста, Антонъ Павловичъ, спросилъ я,—почему самому писателю рѣшительно не видно, хорошій или дурной разсказъ онъ написалъ?

— Развѣ? удивилась начальница.—А мнѣ кажется, что писатель лучше видитъ достоинства и недостатки своего разсказа, чѣмъ всякій другой.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сказала Чеховъ.—Самъ писатель не можетъ судить о своей вещи. Развѣ лѣтъ черезъ пятнадцать, когда читаешь свое, какъ чужое.

Я вышелъ во дворъ покурить. Погода была, точно лѣтняя и не вѣрилось, что въ Москвѣ

* А. М. Удодова.

до которой чуть болше сутокъ бѣды, теперь холода и снѣгъ. Вернувшись въ кабинетъ, я спросилъ Антона Павловича, какъ онъ думаетъ устроиться со своей повѣзкой въ Москву.

— Да вотъ какъ. Вчера ночью получена... Онъ досталъ телеграмму и далъ мнѣ прочесть: „Погода выѣзжать — погода испортилась“...

Чеховъ просилъ меня узнать о здоровье одного очень талантливаго, но едва начинающаго поэта, котораго онъ никогда не выдастъ *).

— И пожалуйте, протелефонируйте мнѣ, какіе доктора его лѣчатъ... добавилъ онъ.

Мнѣ хотелось восстановить въ своей памяти характерныя черты внѣшности и душевныхъ качествъ Чехова. Его наружность иногда мѣнилась въ зависимости отъ того, какъ была подстрижена борода. Поэтому существуютъ его портреты какъ будто мало похожіе между собою. Лучшимъ изъ нихъ, по передачѣ сходства, мнѣ кажется, слѣдуетъ считать снятый въ 1902 году въ Ялтѣ, въ фотографіи „Югъ“. Антонъ Павловичъ сидитъ на садовой скамейкѣ въ пальто, шляпѣ и пенсне. Этотъ портретъ въ послѣднее время стоялъ на столѣ въ комнатѣ его матери.

Общее выраженіе его лица носило печать озабоченности. Когда онъ снималъ пенсне, видны были мелкія морщины вокругъ его серьезныхъ и добрыхъ глазъ. Глядя на себясѣдинка, онъ шурился и казалось иногда, что относится безучастно къ его словамъ. Но потомъ Чеховъ вдругъ вскидывалъ голову, на высокомъ его лбу кожа чуть двигалась, а надъ носомъ ложились двѣ глубокия вертикальныя морщины, и онъ начиналъ говорить самъ, не спѣша, глухимъ басомъ, избѣгая всякихъ терминовъ, гладко и замѣчательно просто. Если его густые, темные волосы были давно не стрижены, то одинъ локонъ часто двигался въ тактъ рѣчи, а потомъ спускался на лобъ. Въ послѣдніе года у него чуть посѣдѣли виски и было нѣсколько бѣлыхъ волосковъ по краямъ бороды. Когда онъ волновался или хохоталъ, его широкія ноздри шевелились. Сидя Чеховъ почти всегда клалъ ногу на ногу и очень рѣдко жестикулировалъ руками; его крупныя, удлиненыя пальцы покойно лежали на обшторившихся кофѣнкахъ. Славная у него была улыбка, тихая и немного застѣнчивая. Чтобы сдержать се, онъ едва замѣтно покусуетъ губами, и потомъ опуститъ голову.

Въ ноябрѣ 1901 года это былъ еще подвижной, немного всхлудавшій, но совсѣмъ не старшій, высокій человекъ. Прохаживаясь по кабинету, онъ чуть гнулъ впередъ. Онъ носилъ легкія, иногда съ естественнымъ подъемомъ ботинки и ступалъ увѣренно. Въ однокортномъ пиджакѣ, съ простыми галстукомъ на крахмальномъ воротѣ бѣлой сорочки, въ темныхъ брюкахъ, Чеховъ никогда не былъ похожъ на человека, особенно заботившагося о своей внѣшности; но то, что онъ надѣвалъ, всегда къ нему шло. Чеховъ казался скорѣе типичнымъ западно-европейцемъ, чѣмъ москвичомъ.

Я часто любовался его фигурой. Тогда думалось: „Конечно, онъ очень боленъ, но много еще нужно времени баццаламъ, чтобы разрушить этотъ стройный, безъ малѣйшихъ признаковъ вырожденія, организмъ“.

Мнѣ кажется, всякій его собсѣдникъ долженъ былъ чувствовать, что можно рисовать

людей и общественныя явленія и въ черномъ и бѣломъ свѣтѣ, и все-таки Антонъ Павловичъ, не переспрашивая, угадаетъ, какой цвѣтъ настоящій. Изъ душевныхъ качествъ Чехова самымъ выдающимся было терпѣніе. Пребываніе въ Ялтѣ часто становилось для него равносильнымъ одиночному заключенію. Къ мукамъ одиночества присоединялась еще боязнь причинить беспокойство своему болѣзненно нѣжно любимымъ его сестрѣ и матери.

Любопытные незнакомцы и незнакомки, не имѣвшие ничего общаго съ литературой, набѣжали къ нему довольно часто. Но и съ ними Антонъ Павловичъ бывалъ всегда вѣжливъ. Съ хмурымъ лицомъ подпишетъ автографъ, поклонится какъ-то немного бокомъ и молчать. И только послѣ ухода гостя вдохнетъ о томъ, что къ нему пристають съ пустяками.

За пять лѣтъ знакомства съ Чеховымъ я лично знаю только два случая, когда его терпѣніе, повидному, лопнуло: одинъ разъ, когда прѣзжалъ фельетонистъ, и другой — когда группа захудалыхъ актеровъ рѣшила поставить „Три сестры“. Въ первомъ случаѣ его волненіе выразилось въ томъ, что началось перебои сердца, а во второмъ — усилилось кровохарканье. Прѣзду же Горькаго, Короленка, Бунина, Куприна Антонъ Павловичъ всегда былъ радъ. Любилъ онъ и Гарина-Михайловскаго... Какъ-то я сказалъ объ одномъ уже немолодомъ беллетристѣ:

— Такъ онъ давно пишетъ, и дальше одного тома и двухъ рассказовъ не пошелъ, хотя имѣетъ полную возможность работать и издаваться, когда ему хочется.

Мнѣ досталось.

— Неправда, онъ много написалъ. Отличный писатель, чудесный писатель и работаетъ онъ хорошо! отвѣтилъ Чеховъ.

Вторымъ основнымъ качествомъ Антона Павловича была жалость ко всему страдающему. Процессы, въ которыхъ возможны были судебныя ошибки или неправомерное наказаніе, его мучили и волновали. Какъ идеальный юристъ, Чеховъ не могъ назвать преступленіемъ какой бы то ни было поступокъ, если онъ былъ сдѣланъ безъ умысла принести зло, и мысль, что въ жизни это не всегда такъ бывало, давила его. Такія вещи, какъ „Бѣда“, „Злоумышленникъ“ и особенно „Рассказъ старшаго садовника“, могъ написать только человекъ, много, упорно и совершенно самостоятельно думавшій надъ этими вопросами. Страданія дѣтей нагоняли на Чехова ужасъ. „Гриша“ и „Письмо“ — это цѣлыя драмы. Перечитывая „Островъ Сахалинъ“, я часто думалъ, что долженъ былъ переживать Антонъ Павловичъ, когда присутствовалъ при сценѣ описанной имъ такъ: „Мальчикъ Алешка 3—4 лѣтъ, котораго баба привела за руку, стоитъ и глядитъ внизъ, въ могилу. Онъ въ кофтѣ не по росту, съ длинными рукавами и въ полнявшихъ синихъ штанахъ; на кофѣнкахъ яркшія заплаты.“

— Алешка, гдѣ мать? спросилъ мой спутникъ.

— За-а-а-а-а-а! сказалъ Алешка, засмѣлясь и махнувъ рукою на могилу...

Чеховъ относился къ дѣтямъ не какъ къ „маленькимъ дурачкамъ“, и говорилъ съ ними не какъ съ существами, созданными для заботы взрослыхъ, а какъ съ людьми, у которыхъ на все своя оригинальная точка зрѣнія.

Антонъ Павловичъ съ любовью рассказывалъ мнѣ объ одномъ мальчикѣ:

— Сидитъ онъ за столомъ, выводитъ букаву за буквой и сопитъ...

*) Недавно скончавшагося отъ горловой чахотки Ланузова.

Чеховъ прошелся взадъ и впередъ по кабинету, посмотрѣлъ въ окно и добавилъ:

— И уши у него торчатъ вотъ такъ...

Чуждый всякой полемики, онъ спорилъ очень мягко. Бывало, только и слышишь его ровный, чуть надтреснутый басокъ:

— Что вы, что вы, какъ можно! Полноте...

Къ сознательному злу Чеховъ относился съ брезгливостью. Чистый душою, онъ не понималъ психологии развратниковъ, и нѣтъ въ его произведеніяхъ ни одного такого типа. Но всякое искреннее, пылкое чувство онъ оправдывалъ. Власичъ въ его разсказѣ „Сосѣди“—симпатиченъ. „Дама съ собачкой“ внушаетъ къ себѣ глубокое сочувствіе.

На умственный убожество Антонъ Павловичъ никогда не сердился, а скорѣе былъ склоненъ надъ нимъ подтрунить. Однажды я принесъ къ Чехову номеръ „Московскихъ Вѣдомостей“ съ фельетономъ по поводу новой тогда повѣсти Горькаго „Трое“. Статья была озаглавлена „Циничная проповѣдь безстыдства“. Въ ней слышалось, что авторъ больше сердитъ на личность Горькаго, чѣмъ разбирать психологию его героевъ.

Антонъ Павловичъ внимательно прочелъ фельетонъ, улыбнулся и покачалъ головою: дескать, тоже критики... Потомъ этотъ фельетонъ былъ прочтатъ еще въ обществѣ нѣсколькихъ человѣкъ, и Чеховъ говорилъ, что онъ и всѣ присутствовавшіе искренно хохотали.

Противны Чехову были только люди, будто разбѣренные циркулемъ, живущіе по расписанію, безъ всякихъ вспышекъ своего личнаго чувства. Ни въ одномъ изъ его разсказовъ нѣтъ столько яду, какъ въ знаменитомъ „Человѣкъ въ футлярѣ“.

Антонъ Павловичъ обладалъ исключительно наблюдательностью, — если такъ можно выразиться, — произвольною. Онъ замечалъ характерныя черты каждаго, кого видѣлъ хоть разъ. Однажды при мнѣ онъ изобразилъ походку и гнусавый голосъ какого-то субъекта. Присутствовавшій здѣсь гость, знавшій этого господина, пришелъ въ восторгъ отъ безусловной вѣрности изображенія. Чеховъ высоко цѣнилъ способность талантливыхъ актеровъ проникать не только въ душу изображаемаго лица, но и передавать и его голосъ и манеру одѣваться такъ, а не иначе.

Питавшій отвращеніе ко всякимъ значкамъ и бредокамъ, Антонъ Павловичъ въ послѣдніе годы своей жизни, однако, не разставался со знакомъ Художественнаго театра,—чайка летящая надъ моремъ,—и носилъ его всегда на часовой цѣпочкѣ. Въ этомъ театрѣ были самыя счастливыя минуты его жизни.

Здѣсь было все ново, не заиграно, не за-taskано, не опошлено... Общественна и пошлость были его врагами. Можетъ быть, поэтому онъ никогда не игралъ въ карты. И всѣ ходы въ разсказѣ „Винтъ“, который читается на литературныхъ вечерахъ, Чеховъ писалъ, разспрашивая о нихъ у брата Ивана Павловича.

Съ каждымъ мѣсяцемъ послѣднихъ годовъ своей жизни Антонъ Павловичъ все рѣже и рѣже бывалъ веселымъ. Въ этомъ отношеніи

его біографія напоминаетъ біографіи Мопассана и Гоголя.

Зато я ни одного раза не видалъ его хмурымъ на севастопольскомъ вокзалѣ, передъ поѣздкой въ Москву.

Какъ-то мы ходили съ нимъ взадъ и впередъ по платформѣ. Мягкая крымская ночь окутала темной и вагоны, и городъ, и бухту. На небѣ блестѣли крупныя звѣзды.

— Посмотрите на звѣзды, сказалъ я: тамъ, куда вы ѣдете, онѣ врядъ ли такъ ясно горятъ.

— Что вы, что вы... Тамъ звѣзды еще лучше, быстро произнесъ Антонъ Павловичъ. — Вы такихъ и не видали... Вообще я не понимаю, какъ можно любить и считать лучшимъ только свое. Есть люди, которые никогда не бывали за границей и совершенно равнодушно относятся къ мысли пожить и подышать иначе, чѣмъ дома. Такъ нельзя. Это очень узко. Нужно по возможности все видѣть и все знать... Поживите въ Петербургѣ, поживите за границей, побывайте въ Сибири, на Дальнемъ Востока... Вотъ Горькій тоже не любитъ „заграницы“, и въ этомъ я не понимаю его.

Тогда же я въ шутиливой формѣ спросилъ Чехова, чѣмъ кончилась исторія съ двумя молодыми людьми, которые хотѣли его выжить изъ собственнаго купэ.

— Все обошлось очень хорошо. На слѣдующій день они пришли знакомиться и попросили по автографу...

Пятаго іюля 1904 года во Владивостокѣ была жара и носилась пыль. Я купилъ у китайченка телеграммы, напечатанныя на синей бумагѣ. Вѣтеръ рвалъ въ рукахъ листокъ, и его трудно было прочесть. Наконецъ, въ числѣ военныхъ сообщеній, я увидѣлъ очень короткую телеграмму: „Петербургъ. Въ ночь на 2-е іюля, въ 3 часа скончался отъ паралича сердца на рукахъ жены извѣстный писатель Антонъ Чеховъ, въ Германіи, въ Баденвейлерѣ... Я прочелъ и удивился, а потомъ растерялся и не зналъ, съ кѣмъ подѣлиться напавшимъ на меня ужасомъ...

Не наступило еще время для оцѣнки произведеній Чехова, но событія 1904 и 1905 гг. показали лучше самаго гениальнаго критика, что онъ рисовалъ правду, и если скорбѣлъ, то было о чемъ скорбѣть. Какъ чутко реагировалъ онъ на всѣ явленія русской дѣйствительности, и какъ она его волновала, видно изъ того, что Антонъ Павловичъ почти скончался со словами „матрость“ и „японецъ“ на устахъ. Г. В. Юлосъ коротко, но хорошо описалъ эти страшныя минуты.

И все-таки мнѣ трудно представить себѣ Чехова въ гробу. Мнѣ рисуется другая картина. Чуть опустивъ голову, въ лѣтнемъ пальто и въ мягкой шляпѣ, стоитъ Антонъ Павловичъ во дворѣ своей дачи, потрогиваетъ палкой какой-нибудь камешекъ и серьезнымъ голосомъ спрашиваетъ мать или сестру, не нужно ли имъ купить чего-нибудь въ городъ...

Комментарий

Вы пошлите в «Жизнь», к Поссе... «Жизнь» – литературно-политический журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1897 по 1901 гг. В «Жизни» были напечатаны повесть Чехова «В овраге», роман «Фома Гордеев» и поэма «Песня о Буревестнике» М. Горького, произведения Л.Н. Андреева, И.А. Бунина и др. С конца 1898 года фактическим редактором журнала был Владимир Александрович Поссе (1864–1940) – журналист и революционный деятель.

...только что вышедшая книга Мельшина «В мире отверженных». Мельшин — один из псевдонимов (другие – Матвей Рамшев, П.Я., П.Ф. Гриневич и др.) революционера-народовольца, писателя Петра Филипповича Якубовича (1860–1911). «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» — автобиографическая повесть, опубликованная в журнале «Русское богатство» в 1895–1898 гг. под псевдонимом Л. Мельшин; при жизни автора переиздавалась пять раз.

...мы заговорили о процессе Дрейфуса – судебный процесс в декабре 1894 года во Франции и последовавший за ним социальный конфликт (1896–1906) по делу о шпионаже в пользу Германской империи офицера французского генерального штаба, еврея родом из Эльзаса (на тот момент территории Германии) капитана Альфреда Дрейфуса (1859–1935), разжалованного военным судом и приговорённого к пожизненной ссылке при помощи фальшивых документов и на волне сильных антисемитских настроений в обществе. Дело получило большой общественный резонанс и сыграло значительную роль в истории Франции и Европы конца XIX — начала XX веков. Французский писатель Эмиль Золя (1840–1902) выступил со статьей «Я обвиняю» («J'Accuse...!») в газете «Орор» («L'Aurore») в поддержку Дрейфуса и против антисемитизма. Позицию Золя поддержал Чехов, что стало одной из причин разрыва Чехова с А.С. Сувориным и газетой «Новое время», занявшей антидрейфусарскую позицию.

...чувство, подобное тому, которое заставило греков изгнать Аристиду. Аристид (ок. 530 – 467 до н.э.) – афинский государственный деятель, полководец периода греко-персидских войн (500–449 годов до н. э.). В 482 году до н.э. подвергся остракизму – был изгнан из Афин и уехал на Эгину. Лазаревский уподобляет Чехова Аристиду, считая их общей чертой справедливость, непредвзятость, свойство к нелюбимому оцениванию поступков других людей.